

УДК 37.015

ВЛАСТЬ И ПРОФЕССУРА (ИЗ ИСТОРИИ ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1917–1931 ГГ.)

Л. А. Обухов

Прослеживаются взаимоотношения власти и профессуры на протяжении первых 15 лет существования Пермского университета при разных политических режимах: Временного правительства, Верховного правителя, советской власти. Основное внимание уделено процессу «пролетаризации» вуза и вытеснению старых профессоров, закончившемуся масштабной «чисткой».

Ключевые слова: Пермский университет, «реакционная профессура», Уралобком, ОГПУ.

История старейшего университета на Урале нашла отражение в целом ряде региональных публикаций как советского, так и постсоветского периода [Пермский государственный..., 1966; Кертман, Васильева, Шустов, 1987; Профессора Пермского..., 2001; Костицын, 2006]. Однако в этих работах не всегда полно и объективно рассматривается история вуза, основное внимание уделяется успехам. В последние годы появились публикации, которые касаются тем, фактически закрытых в советский период [Лейбович, 2005; Обухов, 2004; Обухов, 2007 и др.]. В журнале «Университет», издающемся с 2000 г., регулярно печатаются очерки об истории университета, его людях. Большую работу по сбору воспоминаний преподавателей и сотрудников университета и их изданию проводит Музей истории университета [Пермский университет..., 1996]. Тем не менее полной и объективной истории Пермского университета еще не написано.

Пермскому университету повезло: при его создании для преподавания были приглашены молодые приват-доценты из Петроградского университета, ставшие вскоре профессорами, крупными специалистами в своих областях науки. Почти все они придерживались либерально-демократических взглядов, многие являлись членами партии кадетов. Так, шесть профессоров университета участвовали в августе 1917 г. в выборах в Пермскую городскую думу по списку партии кадетов и двое из них: К. Д. Покровский (ректор) и Н. В. Култашев (будущий ректор) – стали гласными думы. В обращении к избирателям, составленном не без участия профессоров университета, содержались положения, не утратившие своего значения и сегодня: «...не политику надо делать, идя в думу, не красивые слова говорить, не обещать невыполнимого, а правильно вести хозяйство... Каждый гражданин должен заботиться о делах того города, где он живет. В той стране, где неблагополучно в городском хозяйстве, там неблагополучно и в государстве... Довольно слов, нам нужны дела. ...Нужны люди... бескорыстные и бережливые, не отстаивающие только классовые интересы, но интересы всего населения...»¹.

Профессора университета принимали активное участие в выборной кампании в Учредительное собрание, агитируя за партию кадетов (например, будущий академик, историк Б. Д. Греков), а К. Д. Покровский и В. Ф. Матвеев вошли в список кандидатов от партии по Пермскому избирательному округу.

К большевистским инновациям в высшей школе большинство профессоров отнеслось отрицательно, в частности, к отмене университетской автономии, которую новая власть трактовала как буржуазный принцип, ставший реакционным в условиях диктатуры пролетариата. Профессорско-преподавательский состав университета выступил и против новых правил приема в высшие учебные заведения. Согласно этим правилам в число студентов мог быть принят любой человек, независимо от национальности, гражданства и пола, достигший 16 лет, без предоставления диплома, аттестата или свидетельства об окончании средней школы. Новые правила предусматривали зачисление в первую очередь лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства. Неприятие профессорами новых правил приема вполне понятно: в университет мог поступить любой окончивший церковно-приходскую школу, школу грамотности, едва умевший читать и писать (заявление он должен был написать сам и поставить подпись). Большевики хотели создать, говоря современным языком, образовательный комплекс «школа – университет» (начальная школа – средняя школа – университет), обучение в котором было рассчитано на четыре-пять лет. Можно представить уро-

вень подобных «специалистов». Но главным для новой власти был не уровень профессиональной подготовки выпускников университета, а знание основ марксизма, готовность выполнить любые указания коммунистической партии. Именно на это в первую очередь была направлена реформа высшей школы.

Несмотря на все усилия властей, в 1918 г. сколько-либо существенных результатов в «пролетаризации» университета добиться не удалось. Правление и совет университета всячески противились этим мерам, что в большевистской терминологии означало «саботаж». А он не мог пройти безнаказанно. В том же году 11 октября были арестованы ректор университета Н. В. Култашев и ряд сотрудников правления. Для выяснения ситуации с ректором в губернскую чрезвычайную комиссию отправились декан историко-филологического факультета проф. Н. П. Оттокар и исполняющий обязанности ректора (на период отсутствия последнего) проф. А. А. Заварзин. Как люди воспитанные и интеллигентные, они, явившись в ГубЧК, послали свои визитные карточки председателю ЧК П. Малкову. Ответом был арест и помещение в камеру. На их квартирах был произведен обыск, во время которого у Н. П. Оттокара изъяли рукопись его научной работы. Несмотря на неоднократные требования в устной и письменной формах объяснения причин ареста, ответа в течение суток они не получили. На следующий день вечером после допроса А. А. Заварзин и Н. П. Оттокар были освобождены, а ректор остался под арестом. Освобожденные профессора заявили следователю ЧК «что к ректору государственного университета не может быть применено в качестве меры пресечения личное задержание без оскорбления всего учреждения» [Гражданская война..., 2008, с. 153]. Возможно, при царском режиме, подобные заявления имели смысл, но на большевиков они не действовали.

На следующий день после освобождения на заседании правления университета профессорам А. А. Заварзину и А. А. Рихтеру было поручено обратиться с просьбой об освобождении ректора к командующему 3-й армией Р. Берзину. Обстоятельства дела и мотивы просьбы были изложены в письменном виде и переданы командующему. В ответ последовал приказ, тут же врученный А. А. Заварзину: «В Губчрезком. Немедленно освободить ректора Пермского государственного университета. Командующий 3-й армией Берзин» [Там же]. Этот приказ был передан лично председателю ГубЧК. Однако ректора не освободили. Тогда и.о. ректора А. А. Заварзин отправил телефограмму Р. Берзину, в которой сообщал о том, что его приказ не исполнен, и обращался с просьбой «принять для его выполнения зависящие меры».

На экстренном заседании совета Пермского государственного университета и.о. ректора А. А. Заварзин предложил обсудить и срочно принять меры для того, чтобы «во-первых, получить удовлетворение в проявленном действиями Чрезвычайной комиссией неуважения к такому высокому учреждению, каковым является государственный университет, а во-вторых, оградить его и на будущее время от повторения подобных действий» [Там же]. Для этой цели и.о. ректора предложил командировать в Москву в комиссариат просвещения делегацию в составе профессоров Д. М. Федотова и Б. Л. Богаевского, а также ректора, если он будет освобожден, или его заместителя. Делегации поручалось поставить вопрос о положении университета. Не дожидаясь отъезда делегатов, предлагалось отправить о происшедшем телеграмму наркому просвещения А. В. Луначарскому. Каков результат этого предложения и выезжала ли делегация в Москву, пока не установлено, но ректор Н. В. Култашев был освобожден. Как объяснить такое отношение председателя ГубЧК П. Малкова к профессуре университета и совершенно иное латыша Р. Берзина? Возможно, это связано с тем, что П. Малков окончил всего лишь двухклассное церковно-приходское училище, тогда как Р. Берзин имел среднее образование. Но, скорее всего, П. Малков помнил о позиции профессоров университета в 1917 г. и как руководитель ЧК относился с недоверием к профессуре, полагая, что многие из них настроены враждебно к советской власти.

Совершенно иное отношение к университету и его профессорам демонстрировал Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. Совет университета делегировал для встречи Верховного правителя и.о. ректора проф. А. А. Заварзина, проф. К. Д. Покровского и проректора проф. А. И. Сырцова. Среди представлявшихся Верховному правителю деятелей губернии по случаю его приезда в Пермь 19 февраля 1919 г. был и ректор университета. Ректор университета и профессора присутствовали и на общем приеме, устроенном в зале Благородного собрания. В чрезвычайно насыщенной программе визита А. В. Колчака в Пермь было предусмотрено и посещение университета, но времени на этот визит не осталось.

В марте 1919 г. А. В. Колчак прислал ректору университета приветственную телеграмму по случаю 100-летнего юбилея Петербургского университета, в которой писал: «...мне особенно приятно в этот исторический день приветствовать на территории освобожденной страны деятелей науки... Твердо верю, что в дни тяжелых испытаний страны и гонений, объявленных большевизмом культуре и знанию, не замрет научная мысль...» [Там же, с. 280–281].

Отношение большинства профессоров Пермского университета к власти большевиков характеризует «Обращение к иностранным университетам по поводу переживаемого Россией бедствия большевизма». Профессора университета взяли на себя «обязанность сказать университетам других стран и всему цивилизованному миру, что сделал большевизм с Россией и почему русские граждане не стремятся к его ниспровержению» [Там же, с. 281]. В «Обращении» говорится о плачевном положении страны, к которому привела большевистская власть, невыносимых условиях жизни, произволе комбедов и чрезвычайных комиссий, голоде и массовых болезнях. Особо подчеркивается отношение большевиков к культурным ценностям, к школе, науке, искусству. «Культуру большевики понимают чрезвычайно своеобразно, отрицая необходимость бережного к ней отношения и не признавая культурной преемственности. От школы они требуют, чтобы она давала такие знания, которые немедленно повели бы к созданию коммунистически настроенных людей... К науке, университетам отношение их тоже своеобразно... уничтожая понятие научного ценза, чтобы открыть дорогу к преподаванию в высшей школе недоучившимся фантазерам, выдающим себя за ученых. Покровительствуя тенденциозному преподаванию, они ведут поход против тех отраслей университетского знания, которые как право и история считаются ими ненужными и даже вредными...» [Там же, с. 282–283]. В заключение дается очень жесткая оценка большевистского режима: «...это – захватившие власть самозванцы, действующие от имени народа, растлевающие его душу и губящие его богатства» [Там же, с. 284].

Совет университета рассмотрел «Обращение» 28 марта 1919 г. В текст его был внесен ряд поправок и дополнений (в частности, проф. Л. А. Булаховского об институте заложенничества), после чего прошло голосование. При первом голосовании голоса разделились: 13 было за принятие текста, 13 – против него при 2 воздержавшихся. После ряда заявлений при новом голосовании обращение поддержали 16 против 14. Голосовавшие против принятия «Обращения», среди которых были профессора В. Л. Богаевский, А. А. Рихтер, А. А. Заварзин, А. А. Фридман, В. К. Шмидт и др., заявили, что они голосовали против обращения «вне зависимости от его содержания, исключительно по принципиальным соображениям о недопустимости выступления Совета университета по политическому вопросу» [Там же, с. 285]. Это можно понять так, что они согласны с оценкой большевистского режима, но выступают против участия университета в политической деятельности. Совет постановил 20 голосами против 5 при 3 воздержавшихся представить вторично текст «Обращения» в Совет университета после рассмотрения его в комиссии. В комиссию для доработки текста «Обращения» на заседании совета был избран проф. Б. Ф. Вериго [Там же, с. 286]. Состав комиссии, к сожалению, установить не удалось, но определенно можно сказать, что в нее входил проф. А. И. Сырцов, поскольку в сохранившемся в архиве тексте обращения правки внесены его рукой².

В мае 1919 г. делегация от профессоров Пермского университета в составе А. П. Дьяконова, Н. П. Обнорского и других поздравили командующего Сибирской армией Р. Гайде по случаю годовщины свержения советской власти в Сибири.

Практически весь профессорско-преподавательский состав университета был эвакуирован с войсками Колчака в Томск и Иркутск. Большинство из них позднее вернулись в Пермь. За годы Гражданской войны университет понес ощутимые научные потери: по разным причинам покинули или не вернулись после эвакуации в Пермь более полутора десятков профессоров. В их числе были будущие академики Б. Д. Греков, К. Д. Покровский, И. М. Виноградов, такие яркие ученые, как Г. В. Вернадский, Н. В. Устрялов, Л. В. Успенский³, и др. Тем не менее костяк профессуры сохранился и до 1924 г. университет имел право выбирать ректора.

«Большевизация» университета началась с ликвидации в 1919 г. историко-филологического и юридического факультетов и создания на их базе факультета общественных наук (ФОН). Преподавание на новом факультете велось «на основе марксистской методологии», а в качестве преподавателей привлекались партийные и советские работники (П. А. Бударин, П. А. Матвеев, С. Н. Седых и др.), зачастую не имевшие высшего образования. Это должно было создать противовес старой

профессуре и расколоть ее. Одновременно начался процесс «пролетаризации» студенчества. На ФОН принимали в первую очередь коммунистов и комсомольцев. Активизации этого процесса способствовало и создание рабфака в ноябре 1919 г. С 1920 г. на рабфак принимались только члены РКП(б), Союза молодежи и профсоюзов. Отмена обязательного образовательного ценза для поступающих в вузы и необходимость дать хотя бы минимальную общеобразовательную подготовку людям, не имеющим образования, вынудили власть пойти на организацию рабфаков.

Создаются коммунистические ячейки на рабфаке, ФОНе и некоторых других факультетах. В 1922 г. под давлением Пермского губкома РКП(б) удалось провести в члены правления университета С. Н. Седых. Помимо Седых в состав правления входили ректор А. А. Рихтер, проф. Г. В. Флейшер, советник правления Н. О. Палечек и Суслов(?). Но партийная прослойка в среде профессоров и преподавателей росла крайне медленно. Так, в 1921 г. в университете было всего 5 коммунистов-преподавателей из 211 и 35 студентов – членов партии и кандидатов в нее из почти 2300 чел. К 1930 г. число коммунистов-преподавателей увеличилось до 12, а коммунистов-студентов – до 350. Значительно возросло количество студентов-комсомольцев: с 23 чел. в 1923 г. до 870 чел. в 1930 г. [Кертман, Васильева, Шустов, 1987, с. 24–25].

В декабре 1924 г. ректором университета был назначен С. Н. Седых, член партии, работавший ранее заместителем председателя губисполкома, заведующим отделом агитации и пропаганды окружного комитета РКП(б), преподаватель ФОНа, недоучившийся студент МГУ. Это был первый назначенный, а не выбранный ректор. При новом ректоре продолжился процесс «пролетаризации» студенчества, но профессора университета держались достаточно сплоченно, критически относясь к инновациям большевиков в высшей школе. Пермский отдел ОГПУ внедрил своих осведомителей в университетскую среду и регулярно получал информацию о настроениях профессуры. Помимо партийно-административного контроля за программами читаемых курсов предполагался и контроль за лекциями путем просмотра студенческих записей, а также взаимного посещения занятий.

Середина 1920-х гг. ознаменовалась расцветом деятельности научных обществ при университете, таких как Общество философских, исторических и социальных наук (ОФИС), этнографическое, медицинское, физико-математическое, научно-агрономическое, естествоиспытателей, научно-педагогическое, кружок по изучению Северного края (КИСК). Интерес к истории края, к достижениям других наук – характерная черта ученых того времени. Они не ограничивались только своими исследованиями, многие представители естественных наук состояли членами гуманитарных обществ. Научные общества позволяли более полно выразить и реализовать себя, тем более что партийное влияние в большинстве обществ было практически нулевым. Через научные общества и студенчество приобщалось к научной работе.

В 1927 г. ректором университета был назначен С. А. Стойчев, член ВКП(б), филолог по образованию. Именно при нем началось последовательное давление на «реакционную профессуру», в результате чего некоторые ученые вынуждены были покинуть Пермский университет.

Настроения профессоров университета характеризуют сводки окружного отдела ОГПУ. Так, в сводке за февраль 1928 г. сообщалось, что «профессура сходится с оппозицией по вопросам: о перерождении власти и о свободе печати... Один из наиболее умных профессоров – тонкий политик и лидер правой профессуры на педагогическом факультете – Дьяконов, с мнением которого согласны многие научные работники педагогического факультета, считает, что “оппозиция в своих суждениях о партии, о скатывании к термидору и прочему совершенно права, что доводы ее неопровержимы...”, но этот же Дьяконов заявляет, что “с оппозицией нам – научным работникам уже не по пути, что нам выгодней идти со Сталиным”. В этом с ним согласны Сырцов, Гиппиус, Стрелков и пр. из “группировки”» [Общество и власть, 2008, с. 558–559].

Более подробно настроения профессорско-преподавательского состава представлены в информационной записке в августе 1929 г. Научные работники и преподаватели в университете по данным ОГПУ в большинстве своем выходцы из буржуазной среды (дети дворян, купцов и т.п.), в лучшем случае – из мещанско-чиновничьей (дети чиновников, кустарей и т.п.). Примерно 20% их составляют выходцы их духовенства. «Антипролетарский» социальный состав научных работников и преподавателей обуславливает, как считают в ОГПУ, и их идеологию: «идеологию мелкой, частью крупной буржуазии». Большинство научных работников внешне к советской власти относятся лояльно, но «внутренне многими из них Соввласть рассматривается как “диктатура хама, необразованного, некультурного” (проф. Шмидт, Беклемишев, Парин, Лебедев, Богословский и мно-

гие др.)» [Там же, с. 619–620].

По сведениям ОГПУ ВКП(б) у научных работников пользуется авторитетом «за свою международную политику... за то, что в ее рядах имеются такие признанные дипломаты и ученые, как ... Чичерин, Луначарский и др.» В то же время отношение к местным коммунистам – плохое. «Проф. Дьяконов, Сырцов, Парин и многие др. иронически отзываются, как о плохих строителях социализма – о Будрине, Седых, Соколове (преподаватели ПГУ, чл. ВКП(б). – Л. О.)» [Там же, с. 620]. Внутренняя политика СССР, по сообщениям информаторов ОГПУ, не встречает никакой поддержки научных работников и «вызывает постоянную критику и иронию» [Там же, с. 621].

Меньше всего интерес к марксизму проявляли работники медицинского факультета: «... старая профессура медицинского факультета на политические дисциплины смотрит как на “закон божий” в старое время (Лебедев, Парин, Чистяков и др.). Научные работники агрономического факультета (профессура) почти поголовно не верят в социалистическое развитие деревни. Идеал большинства – единоличное крепкое хозяйство» [Там же].

Большое внимание в «Записке» уделено отношению профессоров и преподавателей к религии. «Правая профессура в большинстве религиозна. Имеются даже открытые “помазанники во Христ”» вроде проф. Беклемишева, который на глазах студентов поклонялся деревянным идолам в местном музее. Остальные молятся втайне и выполняют все церковные обряды, например проф. Дьяконов, Лебедев, Парин, Пичугин и многие др. ... проф. Коновалов ... на лекциях студентам много говорит о том, что надо решительно изгонять религию из школ и воспитывать детей далеко от бога, что наука и религия несовместимы, – а дома Коновалов является самым обыкновенным мещанином, имеющим в доме иконы с зажженной лампадкой. Марксизм проф. Дьяконова не мешает ему иметь дома иконы, принимать у себя попов и даже ходить в церковь (втайне). Проф. Беклемишев состоит церковным старостой, а проф. Крюков – певчий церковного хора... Проф. Дубровский (преподает астрономию), а дома у себя имеет иконы на почетном месте и своим детям дает отеческое внушение за то, что они садятся за стол не перекрестивши лба...» [Там же, с. 621–622].

Спустя два года позиции профессоров университета, несмотря на отъезд некоторых (А. А. Любичев, Д. А. Сабинин, А. И. Сырцов), не изменились, о чем свидетельствует «Справка о политических настроениях пермской профессуры», составленная преподавателем А. С. Соколовым для Пермского окружкома ВКП(б). Автор справки-доноса делит профессуру на три группы: «1) ставших на сторону Советской власти безоговорочно, понимающих и принимающих ее политику (численно незначительная группа, измеряющаяся единицами); 2) приспособляющихся к советской обстановке... (значительная группа, к которой относится преимущественно средний и младший преподавательский состав); 3) примирившиеся с фактом существования Сов. власти и “скрепя сердце” подчиняющихся установленным ею вузовским порядкам (огромное большинство “дипломированной” профессуры)» [Политические репрессии..., 2004, с. 160]. В соответствии с этими группами А. С. Соколов делит научных работников и в идейном плане – на: «1) искренно воспринявших марксизм и сделавших его своим научным мировоззрением; 2) подделывающихся под марксизм; 3) прямых противников марксизма» [Там же, с. 161]. Как отмечает автор справки, численное соотношение и академическое положение этих групп аналогично первым. Профессоров, не знающих марксизма, А. С. Соколов считает «невеждами». Например, проф. Крюкова, за то, что последний считал массовое колхозное движение преждевременным: «Качество суммы (т.е. колхозов) зависит от качества слагаемых (т.е. отдельных крестьянских хозяйств); сначала надо сделать крестьянство просвещенным, способным применять лучшие способы земледелия, тогда колхоз может быть крепким и работать хорошо» [Там же, с. 162].

Характеристики профессорско-преподавательского состава педфака Пермского университета, составленные в конце 1929/30 уч. г., содержат негативную оценку большинства профессоров. Так, проф. А. П. Дьяконов представлен как «типичный буржуазный профессор, далекий от запросов и жизни трудящихся масс. Один из влиятельных руководителей правого крыла профессуры. Скучает по университетской автономии... В настоящее время серьезной научной работы не ведет, т.к. по его мнению – “нынче нужен больше научный пропагандист, а не исследователь...” ... серьезно переучивается в сторону марксистской методологии, хотя по нутру марксистом отнюдь не является... При недостатке научных сил по всеобщей истории может быть использован в дальнейшем на работе в ВУЗе»⁴. О другом историке, А. Л. Савиче, сказано: «Никакого исторического мировоззрения не имеет. Принадлежит к старой школе историков – гробкопателей (ученик акад. Платоно-

ва). Аполитичен, находится под влиянием реакционной части профессуры... Преподаватель весьма неважный». Резко негативная характеристика дана В. В. Гиппиусу: «Ярко выраженный идеалист... Одна из вреднейших фигур в вузе». Характеристика П. С. Богословского, выдающегося этнографа, фольклориста, краеведа, заканчивается словами: «Ввиду отсутствия марксистских сил по литературе возможно терпеть его до первой марксистской смены»⁵.

В 1930 г. последовала очередная реорганизация высшего образования. Университет был фактически ликвидирован, а на его базе создано пять отраслевых институтов: химико-технологический (Березники), зооветеринарный (Троицк), сельскохозяйственный, медицинский и педагогический (Пермь).

Уже 28 января 1931 г. бюро коллектива ВКП(б) Пермского педагогического института приняло резолюцию «Об очередных задачах борьбы за марксистско-ленинскую теорию в ВУЗе». В ней, в частности, отмечалось, что «...до сего времени наши научные общества, как то: Общество воинствующих материалистов-диалектиков, историков-марксистов, педагогов-марксистов не развернули боевой работы за пропаганду и внедрение марксистско-ленинской методологии не только в специальных, но и в общественно-политических дисциплинах...» Бюро коллектива признало необходимым ликвидацию ОФИСа, «как организации ни в какой степени не отражающей задач социалистического строительства, дающей возможность открыто культивировать не марксистские взгляды...»⁶.

В 1931 г. ликвидацию университетов признали ошибочной и было принято решение о «развертывании ряда нового типа университетов», в том числе в Перми. Ректор Пермского университета С. А. Стойчев возглавил комиссию по реорганизации университета (ликвидационная комиссия) и одновременно был назначен ректором (директором – с 1930 г. вместо ректора вводится должность директора) пединститута. В ноябре 1931 г. в Пермь прибыла бригада Уралобкома для проверки работы университета и пединститута. Выводы бригады оказались сокрушительными для вузов города. В Перми началась своеобразная «охота на ведьм», главным объектом которой стали профессора и преподаватели.

Один из руководителей бригады, Н. Н. Эльвов, выступил 22 ноября 1931 г. на внеочередном заседании бюро Пермского горкома ВКП(б) с докладом об итогах проверки. В своем выступлении он признал, что «Пермь, несомненно, является одним из крупнейших, одним из значительных центров научных и культурных сил Урала, отдельные звенья которого имеют, если хотите, не только областное и всесоюзное значение, но и мировое, как например Био-Институт... Здесь есть кадры старой буржуазной и прямо-таки реакционной, и если хотите, контрреволюционной профессуры, из которой некоторые с довольно крупным в научном мире именем. ...Пермь, как ни одна из областей, выпускает очень много и по количеству и по формату научных записок различного типа. Нужно сказать, что Свердловск сейчас, де-факто, не знает такого большого количества записок и материалов, выходящих из-под пера научных работников вузов, какие знает Пермь»⁷. Возникает вопрос: не повлияло ли соперничество вузов Перми и Свердловска на выводы бригады Уралобкома? Не был ли это, говоря современным языком, некий заказ? Пермь – окружной центр (а вскоре станет райцентром) и Свердловск – центр огромной области, «столица Урала», в научном отношении явно уступающий Перми.

Однако в докладе Н. Н. Эльвова университетские публикации были подвергнуты резкой критике за «пропаганду антимарксистских установок и теорий». Особенно досталось ОФИСу, названному «контрреволюционным», и его краеведческим сборникам, «пропагандировавшим антинаучную, поповскую идею», что ни в какой степени не соответствует тем задачам, которые стоят перед партией и советской властью»⁸.

В борьбе с профессурой власть делала ставку на студенчество, в первую очередь на членов партии, и молодых преподавателей. Н. Н. Эльвов считал пережитком традицию уважительного отношения к профессорам и то, что ученик считал для себя невозможным выступить против своего учителя-профессора. Он утверждал, что «...любой студент рабфаковец стоит выше архибуржуазного профессора, поскольку он владеет марксистско-ленинской методологией... Преимущество пролетарского студента перед профессором в том, что пролетарский студент является марксистом, и владея методом диалектического материализма, он должен бороться с буржуазной идеологией всех мастей (в том числе и с виталистскими воззрениями проф. Беклемишева)»⁹.

С. А. Стойчев на заседании бюро горкома высказал несогласие с резкими оценками, прозвуч-

чавшими в докладе Н. Н. Эльвова: «...делать категорический вывод, что коммунисты попали в сферу буржуазной профессуры, и что мы являемся рупором буржуазной профессуры, делая целый ряд ошибок, я это отбрасываю и заявляю, что такого обвинения не беру на себя. Не могу принять обвинение, что я руковожу буржуазной профессурой»¹⁰.

Обвинения в примиренчестве и либеральном отношении к профессуре прозвучали и в выступлении Сухановского, члена бюро горкома, входившего в состав бригады обкома. Он заявил, что в горкоме ставился вопрос о Савиче и было принято решение снять его с должности и вместе с тем поставить вопрос о том, чтобы уволить еще до десятка профессоров. «По существу это означало, что нужно снять весь профессорский состав, который имелся в пединституте ... чтобы развернуть решительно социалистическое наступление по всему фронту на классового врага в пединституте». Однако С. А. Стойчев и Абатуров (секретарь партколлектива) высказались против, вполне обоснованно считая, что при таком подходе профессора могут разбежаться и перейти в другие вузы¹¹.

Бюро Пермского горкома ВКП(б) согласилось с выводами бригады Уралобкома и постановило: «1. За сдачу классовых позиций на идеологическом фронте, извращение директив партии о высшей школе, допущение левацкого прожектерства в педагогике считать необходимым снятие руководства Пединститута и объявить выговор тов. Стойчеву и Някшину; 2. Бюро партколлектива Института – распустить...»¹².

Еще до окончательных выводов бригады обкома на заседании бюро партколлектива 16 ноября 1931 г. С. А. Стойчев подробно рассказал о тактике и методах борьбы с «реакционной профессурой», которые он проводил в университете.

В отличие от А. С. Соколова С. А. Стойчев делит профессуру на реакционную и либеральную «с народническим тоном». Народнически настроенная профессура проживала на Заимке и в городе, основу ее составляли медики. Ярким представителем либералов он называет проф. Чистякова: «Это совершенно четкий и точный в производственном отношении специалист никогда не пользующийся никакими отпусками, всегда являющийся вовремя, но в своей работе не проявляющий ни одного шага к советизации»¹³. Была поставлена задача во что бы то ни стало разложить эту группу профессоров. Для этого создавали группы из молодых, не всегда квалифицированных или недостаточно квалифицированных, даже «научно-уродующих» (?) преподавателей во главе с проф. М. И. Альтшуллером. Основным методом борьбы с профессурой была чистка студенчества, которая проводилась систематически. С помощью группы Альтшуллера в 1929–30 гг. началась дезориентация профессуры и удалось привлечь молодежь в ряде отделений, особенно обществоведческих. Идеологами старой профессуры считались А. И. Сырцов и И. М. Катаев. В 1930/31 учеб. г. их удалось изолировать и им «дали возможность уехать». «Задача была такова, чтобы не разгонять этих научных работников, а так или иначе использовать их, взяв от них все, что нужно, в условиях того положения, в котором находится не только преподавательский состав, но и научные работники»¹⁴.

При ликвидации ОФИСа использовался административный нажим, поскольку члены группы «...бессильны были выступать против Сырцова ...против Дьяконова, против Гиппиуса в той мере, в какой они выступали...»¹⁵. Был намечен список профессоров, которых предполагалось уволить. Среди первых был В. В. Гиппиус. Выживали неугодных не прямо, а под разными предлогами. Так, решено было проводить систематический смотр кафедр и конкретных научных работников, причем основной упор делался на идеологическую составляющую. Иными словами, создавали для некоторых преподавателей невыносимые условия и вынуждали, как В. В. Гиппиуса, уезжать. Следующим оказался П. С. Богословский, о котором С. А. Стойчев говорил, что он «ничуть не лучше Гиппиуса», не годится для преподавания научных дисциплин и что нужно заменить Богословского, «ибо он и дальше будет фигурой вредной»¹⁶.

Дальнейшая политика, определенная С. А. Стойчевым, была цинична: «...теперь уже профессура дезориентирована, организационно не оформлена, идеологически не наша и нужно проводить постепенно изъятие их, ибо нарастают свои новые молодые силы и есть возможность подготовки своих кадров. ...Развернутая программа наша – сохранить по возможности профессуру для преподавания и для работ и изъять ее только тогда, когда она в наших условиях будет не нужна»¹⁷. В борьбе с профессурой широко использовались интриги, в частности, одну группу профессоров противопоставляли другой: заимковских – городским, Богословского – Гиппиусу, Сырцова – Коновалову и т.д.

В письме секретарю окружкома ВКП(б) Л. И. Мирзояну С. А. Стойчев попытался опровергнуть обвинения, выдвинутые бригадой обкома, и в какой-то мере повлиять на готовящееся постановление. Выход «чуждых и вредных работ» научных обществ он объясняет тем, что только в 1930 г. коммунисты получили большинство в правлении университета. «Начиная с 1928 г. я или сидел, окруженный реакционной профессурой в «демократическом» органе – Правлении – без помощников, или совмещал. ... Систематически, неуклонно изо дня в день я бился, боролся за линию партии, за разложение реакционной профессуры, ее дезориентацию... выгнали из вуза ряд таких научных работников, которые дальше нетерпимы у нас и ничего уже дать не могут, среди них такие лидеры как профессора Сырцов, Катаев, Алексеев, Гиппиус и ряд др. ... какое бы взыскание на меня партия не наложила, я хочу одного: работой за выполнение решения партии, за генеральную линию, большевистской работой исправить ошибки. Я не сполз с линии партии... Плохо выполнил директивы парторганизаций – правильно! но это не значит, что не стал большевиком, а являюсь бумажным коммунистом – вот и нет – это не так и этого вывода бригады не могу принять, это будет неправда!»¹⁸.

Но письмо не помогло С. А. Стойчеву. По итогам проверки Уралобком принял постановление, в котором руководство университета и пединститута обвинялось в «сползании с партийно-классовых позиций, дав возможность группе реакционной профессуры перейти в наступление на генеральную линию партии и советской власти». Директор пединститута С. А. Стойчев и зав. учебной частью Няякшин были сняты с работы, им объявлен выговор¹⁹.

После завершения работы проверяющей бригады обкома начались гонения и травля профессуры. Уже 7 декабря бюро ячейки ВКП(б) общественно-литературного отделения обратилось в бюро партколлектива с просьбой о снятии с работы П. С. Богословского, «как не владеющего марксистско-ленинской методологией и политически неграмотного»²⁰. Пострадал один из проверяющих – Н. Н. Эльвов, возглавлявший кафедру истории ВКП(б) в пединституте. Его обвинили в том, что в печатных работах содержатся троцкистские методологические установки. Бюро ячейки просило горком снять Эльвова с заведования кафедрой и лишить права руководить аспирантами²¹. После снятия с работы Н. Н. Эльвов был исключен из ВКП(б) как троцкист. Резкой критике в печати и на различных собраниях подверглись профессора В. Н. Беклемишев, П. С. Богословский, А. П. Дьяконов, А. В. Миртов, П. А. Генкель, М. Дыхно, Шумков и др. Результатом этой разнуданной кампании стал отъезд ряда профессоров из Перми (Дьяконов, Богословский, Беклемишев, Савич и др.), что, безусловно, ослабило научный потенциал города и не могло не сказаться на научной работе в вузах. Пермь уже не могла соперничать в научном плане со Свердловском. Уехавшие профессора устроились в других городах и вузах, внесли немалый вклад в развитие науки. Некоторые из них пострадали в ходе репрессий 1937 г.

Примечания

¹ ГАПК. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 34. Л. 64, 73.

² Там же. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–9.

³ Узнав о кончине Л. В. Успенского 20 января 1937 г., Н. В. Устрялов дал ему такую характеристику в своем дневнике: «Смешной, нелепо талантливый, философ милостью Божией и в то же время житейский хитрец из поповичей» [Дневник..., 1998, с. 65].

⁴ ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 83а. Л. 35.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ Там же. Ф. 90. Оп. 4. Д. 463. Л. 190–191.

⁷ Там же. Л. 5, 10.

⁸ Там же. Л. 17–18.

⁹ Там же. Л. 19, 288.

¹⁰ Там же. Л. 37.

¹¹ Там же. Л. 43–44.

¹² Там же. Л. 1.

¹³ Там же. Л. 210.

¹⁴ Там же. Л. 213.

¹⁵ Там же. Л. 214.

¹⁶ Там же. Л. 215.

¹⁷ Там же. Л. 218.

¹⁸ Там же. Л. 275–281.

¹⁹ Звезда. 1931. 27 дек.

²⁰ ПермГАНИ. Ф. 1621. Оп. 1. Д. 6. Л. 28.

²¹ Там же. Л. 26.

Библиографический список

- Государственный архив Пермского края. Ф. р-656. Оп. 1. Д. 33, 34; Ф. р-657. Оп. 1. Д. 14.
 Гражданская война в Прикамье, май 1918 – январь 1920 гг.: сб. док. Пермь, 2008.
 Дневник Н. В. Устрялова, 1935–1937 гг. // Источник. 1998. № 5–6.
 Кертман Л. Е., Васильева Н. Е., Шустов С. Г. Первый на Урале. Пермь, 1987.
 Костицын В. И. Ректоры Пермского университета. 1916–2006: 2-е изд., перераб. и доп. Пермь, 2006.
 Лейбович О. Л. В городе М: очерки политической повседневности советской провинции в сороковых-пятидесятых годах XX века. Пермь, 2005.
 Обухов Л. А. «Дело» профессоров Клюевой и Роскина и научная интеллигенция Перми // Астафьевские чтения. Пермь, 2004. Вып. 2.
 Обухов Л. А. «Чистка» профессуры в Перми в 1932 году // Вестн. Перм. ун-та. Вып. 6. Университетское образование. Классический университет в российском образовательном пространстве. Пермь, 2007.
 Общество и власть. Российская провинция. 1917–1940: Пермский край: док. и матер. Пермь, 2008. Т. 1.
 Пермский государственный архив новейшей истории. Ф. 1. Оп. 2. Д. 83а; Ф. 90. Оп. 4. Д. 463; Ф. 1621. Оп. 1. Д. 6.
 Пермский государственный университет: ист. очерк, 1916–1966. Пермь, 1966.
 Пермский университет в воспоминаниях современников. Пермь, 1996.
 Политические репрессии в Прикамье. 1918–1980 гг.: сб. док. и матер. Пермь, 2004.
 Профессора Пермского государственного университета. Пермь, 2001.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2011